

АКСИОЛОГИЯ ИОГАННА ВОЛЬФГАНГА ГЁТЕ

Горохов П.А., доктор философских наук, профессор
Оренбургского государственного университета
г. Оренбург

Размышления о ценностной составляющей мировоззрения великого мыслителя, жившего в столь схожую с нашим временем переломную эпоху, имеют отнюдь не только сугубо академический интерес: Гёте был личностью, в которой три объемных аксиологических пласта человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обрели свое подлинное единство, ибо сама эта личность была уникальна.

Ключевые слова: Гёте, аксиология, ценностный компонент мировоззрения, человеческая культура.

Axiology of Johann Wolfgang von Goethe
Gorokhov P.A., doctor of philosophy, professor OSU,
Orenburg

Reflections about the value component of great thinker's world outlook, who had been living in very similar to our epoch period of change, have absolutely not only academic interest: Goethe was a great personality, in which 3 solid axiological stratum of mankind's culture – science, art and life – get their real unity.

Key words: Goethe, axiology, value component of world outlook, mankind's culture.

Говорить об аксиологии в структуре философского мировоззрения величайшего немца Иоганна Вольфганга Гёте (1749 – 1832), с одной стороны, вроде бы исторически некорректно, ибо сам термин «аксиология» был придуман П. Лапи лишь в 1902 году для обозначения специальной философской дисциплины, возникшей в XIX веке в недрах неокантианства, а с другой – вполне оправданно, если вспомнить, что духовная работа по осмыслению ценностных феноменов началась с первых веков существования философии как особой формы человеческой культуры. Ценность – феномен иерархической упорядоченности мира. Сама фундаментальность аксиологических идей вытекает из предмета философии: феномена бытия человека в мире. Ценностные ориентации принадлежат к важнейшим элементам внутренней структуры личности; эти ориентации образуют «ось сознания», обеспечивая интегрирующие свойства личности и особенности мировоззрения. В наши дни, когда все позитивное, даже, например, идеи

государства и нации, подвергается ожесточенным постмодернистским нападкам, необходимо восстановить позитивное в его правах. Именно дух Гёте, как мы полагаем, способствует тому, чтобы недостойные и поверхностные современные воззрения уступили место более глубоким. Поэтому размышления о ценностной составляющей мировоззрения великого мыслителя, жившего в переломную эпоху, столь схожую с нашим временем, имеют отнюдь не только сугубо академический интерес.

На наш взгляд, говоря о мировоззрении Гёте как мыслителя, целесообразно выделить его следующие компоненты: устойчивая картина мира; оценка жизни; целеполагающая идея. Проинтегрированный таким образом мир, состоящий как бы из трех царств: действительности, ценности и смысла, – и может быть представлен как суть философского мировоззрения мыслителя.

Гёте был личностью, в которой три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обрели единство, ибо сама эта личность была уникальна. Чаще всего связь этих трех областей в личности поверхностна, она построена чисто механически и является сугубо внешней. Обычно когда человек в искусстве или науке, его нет в жизни, и наоборот. Не так было у Гёте. Его творчество было глубоко целостно.

Со времен Протагора, определившего человека как меру всех вещей, в философии часто говорили о **человеке как высшей ценности**. В современную эпоху господства техники, когда последняя начинает фактически воспроизводить самое себя, позволительно и необходимо поразмышлять над вопросом о назначении человека. Об опасности закабаления человека созданной им самой техникой предупреждал и Гёте, который предвидел массовое наступление техники, которое одновременно и боялся, и приветствовал. Рассуждая о ложных ценностях современности, он писал своему другу Цельтеру: «Быстрота и обогащение – вот чем восторгается общество, к этому оно стремится. Все эти железные дороги, экспресс-почта, пароходы, различные удобства сообщения, – вот в чем образованный мир стремится превзойти самого себя, но благодаря этому он не в состоянии возвыситься над посредственностью... В принципе, это время наиболее подходит для сметливых и деловых людей, обладающих проворством и чувствующих свое превосходство перед толпой, хотя сами они и лишены высших дарований» (13, с. 123-124).

Гёте, по сути дела, за полтора столетия до В.И. Вернадского и Пьера Тейяра де Шардена заговорил о ноосфере – сфере человеческого разума, становящегося планетарной силой и основополагающей ценностью. Именно в нашу эпоху, которая заставляет нас задуматься над старыми, вечными и, казалось бы, банальными истинами (например, убежденность в непременной благотворности технического прогресса, на которой фактически покоится вся

современная цивилизация), необычайно актуальными представляются мысли Гёте о роли преемственности в истории человеческой культуры; о том, что прогресс совершается не только с помощью революционных ломок и кровопролитных преобразований, но и благодаря ежедневному, будничному, постоянному и продуктивному труду, без которого невозможно никакое продвижение вперед.

Мысли Гёте отличались несвоевременностью. XIX век жил идеей буржуазного прогресса – накопления богатств, роста производства, расширения знания, захвата территории. Все это рассматривалось как наивысшие ценности бытия. А тут приходит мудрец и говорит: надо соблюдать преемственность. Творчество Гёте, многие его труды и мысли, отражающие его ценностные ориентиры, во многом не совпадали с локальностью своего времени. Идеи этого мыслителя обрели реальный смысл лишь в наши дни, когда отрицательные последствия научно-технического прогресса поставили человечество на грань катастрофы: природные ресурсы близки к истощению, искусственно порождаемые потребности достигли степени пресыщения, над людьми висит призрак атомной гибели. Как тут не вспомнить о Гёте, не задуматься над его мыслями?!

Нам представляется, что Гёте следует относить к общему великому руслу немецкой классической философии, хотя бы потому, что эта философия пыталась соответствовать **высшим человеческим ценностям**, служению которым посвятили свои жизни Гёте и Шиллер. Мировоззрение Гёте зародилось и эволюционировало в том же временном потоке, что и немецкая классическая философия. В своих художественных, научных и философских творениях Гёте часто выражал идеи, которые, с одной стороны, не выходили за рамки традиционного философского континуума того времени, а с другой – опережали эпоху. Энергия немцев, живших в раздробленной Германии, находила выход в создании гениальных шедевров литературы, искусства и философии. В чем-то прав наш Василий Розанов, который не без ехидства заметил, что немцы у себя «под черепом» производят всякие революции, но через порог дома никак не решаются переступить. Да и сам Гегель пишет об этом же: «У нас гуляют всякого рода беспокойные мысли – в голове и на голове; однако при этом немецкая голова чаще всего оставляет спокойно ночной колпак на себе и оперирует лишь в своих пределах» (2, с. 477).

А.И. Герцен совершенно справедливо определил место Гёте среди философов периода немецкой классики – между Фихте и Шеллингом. Он писал, что Гёте «обращал философию к природе как к необходимому дополнению, как к своему зеркалу» (3, с. 111-112). Герцен видел в Гёте «усиленную, сосредоточенную, очищенную, сублимированную сущность Германии, он из нее вышел, он не был бы без всей истории своего народа», хотя и добавлял, что «он так удалился от своих соотечественников в ту сферу, в

которую поднялся, что они не ясно понимали его и что он, наконец, плохо их понимал» (4, с. 103). Думается, что талантливый Герцен верно уловил суть дела: Гёте преодолел национальные рамки и вступил на более высокий, общечеловеческий уровень. Говоря словами Мефистофеля, в самом Гёте были «бесстрашие льва, оленя ход, страсть итальянца, твердость шведа».

Гёте своеобразно продемонстрировал в своей творческой жизни **ценностный аспект диалектики национального и общечеловеческого**. Для Гёте, всегда выступавшего против национального чванства, было неприемлемо возвеличивание нации как высшей ценности. Об этом не особенно любили говорить в Третьем рейхе, идеологи которого пытались представить Гёте идеальным патриотом. Во время наполеоновских войн Гёте решительно отказывался питать к французам ненависть, несмотря даже на некоторые неприятные инциденты, имевшие место в его веймарском доме во время посещения его французскими солдатами. «Любовные стихи я сочинял, только когда любил, – скажет он Эккерману. – Как же мог я сочинять песни ненависти, не ненавидя!» (11, с. 596). Гёте размышлял по следующему принципу: существуют либо культура, либо варварство. Значительной частью своей образованности он был обязан Франции. С каким упорством и с какой жадностью он изучал чужие литературы и чужое искусство! Во время всплеска национально-освободительных настроений на своей Родине Гёте с решимостью пророка и практически в гордом одиночестве выступал против войны и национализма.

Разумеется, выдающийся философ Фихте, автор патриотических «Речей к немецкой нации», как и многие немцы, не мог принять такой эпиграммы Гёте, обращенной к своим соотечественникам:

*Нацией стать – понапрасну надеетесь, глупые немцы,
Начали вы не с того – станьте сначала людьми* (6, с. 241).

Однако было бы большой ошибкой утверждать, что Гёте был совершенно лишен чувства **любви к Родине как к одной из высших ценностей**. Эккерману он говорил следующее: «...Человеку по душе лишь то, где и для чего он родился. Если высокая цель не гонит тебя на чужбину, ты всего счастливее дома» (12, с. 101).

Была и любовь, и гордость, и знание истории своего народа. Не было противопоставления немцев другим народам и их возвеличивания. Например, в статье «Дальнейшее о всемирной литературе» Гёте писал: «Весь мир, как бы просторен он ни был, все же только расширенное отечество и, если ближе взглядеться, не даст нам больше того, что уже предоставила нам наша родина. То, что по вкусу толпе, распространится беспредельно и зарекомендует себя во всех поясах и краях, как мы это уже видим теперь; но всему серьезному и подлинно дельному это удастся не так-то легко, и все же те, кто посвятил себя наивысшему и плодотворнейшему, станут узнавать друг друга быстрее и

ближе» (7, с. 415). Не правда ли, что последние слова звучат особенно актуально для нас, мыслящих европейцев, как немцев, так и русских, озабоченных современным господством так называемой массовой культуры, стандарты которой диктуются по преимуществу Соединенными Штатами!..

Гёте считал любую войну между народами болезнью, при которой все силы организма тратятся на питание нечто чуждого и противного природе. Он верил, что рискующий на поле битвы жизнью солдат «разумнее и умереннее судит о событиях, чем большинство праздно взирающих со стороны филистеров» (14, с. 97).

Гёте никогда не выступал против разъединения народов; напротив, все в его творчестве призывало к их объединению. Сразу после битвы при Йене Гёте сказал: «Наша жизнь ведет нас не к обособленности и к отделению от других народов, а, наоборот, к все большему общению с ними. Наше современное бюргерское существование отличается от существования древних народов. Мы живем гораздо свободнее, мы гораздо менее стеснены, мы не знаем той ограниченности, в которой жили древние. Да и государство уже не предъявляет к нам таких требований и нам не приходится ради наград быть покорным его целям, иначе говоря, целям патрицианской аристократии. Все развитие нашей культуры, даже самой христианской религии, ведет нас к общительности, к сотрудничеству, к уступчивости и ко всем общественным добродетелям» (9, с. 427-428).

Эти мысли не могли остаться незамеченными другими выдающимися интеллектуалами Германии. Например, Ф. Шлегель говорил, что к величайшим трем событиям эпохи принадлежат Французская революция, философия Фихте и «Вильгельм Мейстер» Гёте (1, с. 161).

В творчестве Гёте ведущее место занимает **любовь как высшая ценность** и величайшая духовная потенция. Ведь и философия как любовь к мудрости есть лишь частный случай любви. Любовь объемлет собой весь мир. А Гёте был открыт миру как любимой женщине. Даже детство Гёте оборвалось достаточно резко, и причиной тому была внезапно вспыхнувшая любовь. Томас Манн в своей статье «Фантазия о Гёте» восклицает: «Любовная биография Гете, – что может быть более удивительнее ее! Образованный человек должен знать все его увлечения, как любовные похождения Зевса. Все эти Фредерики, Лотты, Минны и Марианны стали мраморными изваяниями в нишах собора, именуемого человечеством, и это хорошая награда за то, что переменчивый гений, порой падавший к их ногам, так мало стремился сделать из своих любовных приключений серьезные выводы для своей жизни, для своей свободы – награда за его неистребимую ветреность и за то, что его серьезные увлечения были лишены положительных намерений, его верность была неверной, его влюбленность была средством для достижения определенной цели, средством для творчества» (10, с. 15). Эти слова выдающегося немецкого

прозаика необычайно верно, на наш взгляд, схватывают суть гётевского отношения к любви и нежным чувствам.

Гёте как-то обмолвился Эккерману, что «женщины – это серебряные чаши, которые мы наполняем золотыми яблоками». После этого он добавил: «Мое представление о женщинах почерпнуто не из житейского опыта, оно у меня либо врожденное, либо бог весть каким образом возникло во мне. Поэтому мне и удаются женские характеры, – впрочем, все они лучше тех женщин, которые встречаются нам в действительности» (12, с. 268).

Гёте не только продуктивнейшим образом исследовал природу и обогатил естествознание непреходящими по важности открытиями в его важнейших областях, но и пришел в своих исследованиях к методу, согласному и гармоничному с самой **природой как наивысшей ценностью**. Благоговение перед природой, жизнью, какой она есть на самом деле, а не жизнью, какой она только должна быть с точки зрения рационалистов, отождествлявших свои мыслительные конструкции с действительным миром и загонявших природу и продуктивный человеческий дух в прокрустово ложе систем, – отличительная черта мировоззрения Гёте. Природа могущественна и добра не в силу наших благих предписаний, но сама по себе. Не человек предписывает ей мертвые формулы красоты и добра, но в самой природе есть то, что вызывает благоговение и преклонение.

Даже в старости, несмотря на болезни, Гёте оставался юным; организм поэта, несмотря на терзавший его с молодости туберкулез, оставался довольно крепким. Разгадка этого удивительного феномена, очевидно, кроется в том, что дух обладает необычайной властью над телом. Если жить ярко и красочно, можно временно победить многие недуги. Мудрость – это искусство долголетия. Но это – тема специальных размышлений.

Наверное, Гёте и сам не смог бы удовлетворительно объяснить свое долголетие, раскрыть его тайну. Сам он однажды так высказался в одном из писем: «Можно дожить до возраста трехсот и более лет, если только добросовестно трудиться каждый день» (15, с. 75). Думается, что воля мыслителя и поэта к труду, творчеству и жизни, настоящее «благоговение перед жизнью», говоря словами А. Швейцера, сделали возможной столь длинную и во всех отношениях активную жизнь.

Вспомним воображаемый разговор с Гёте героя из романа Г. Гессе «Степной волк», упрекавшего поэта в долголетию и сравнивавшего его судьбу с несчастливой судьбой Моцарта, и те слова, которые автор вложил в уста поэта: «Что я дожил до восьмидесяти двух лет, может быть, и непростительно. Но удовольствия это доставило мне меньше, чем вы думаете. Вы правы: долговечности я всегда сильно желал, смерти всегда боялся и с ней боролся. Я думаю, что борьба против смерти, безусловная и упрямая воля к жизни есть та первопричина, которая побуждает действовать и жить всех великих людей. Но

что в конце концов приходится умирать, это, мой юный друг, я в свои восемьдесят два года доказал так же убедительно, если бы умер школьником. В свое оправдание, если это может служить им, скажу еще вот что: в моей природе было много ребяческого, много любопытства, много готовности играть и разбазаривать время. Потому мне и понадобилось довольно много времени, чтобы понять, что играть-то уж хватит» (5, с. 510).

Думается, что сам Гёте во многом бы согласился бы с такой оценкой причин своего долголетия своим талантливим соотечественником-потомком. Гёте хотел жить, потому что это было ему интересно. В 78-летнем возрасте ему хотелось бы жить еще 50 лет для того, чтобы дожидаться прорытия Панамского Канала, процветания Соединенных Штатов, расширения торговли с Китаем и Ост-Индией. Гёте любил жизнь и умел радоваться ей. Порой такая привычная и обыденная вещь, как закат, наполняла его душу восторгом. Эккерман вспоминает слова Гёте, сказанные им после наблюдения за заходящим светилом: «Когда человеку семьдесят пять, – вдруг весело и жизнерадостно продолжил он, – он не может временами не думать о смерти. Меня эта мысль оставляет вполне спокойным, ибо я убежден, что дух наш неистребим; он продолжает творить от вечности к вечности. Он сходствует с солнцем, которое заходит лишь для нашего земного взора, на самом же деле никогда не заходит, непрерывно продолжая светить» (12, с. 125).

Нам хочется привести размышления самого Гёте о том, что нужно человеку в жизни: «Для того чтобы жить в довольствии, надо соблюдать девять требований: нужно достаточно здоровья, чтобы работа была удовольствием; нужно достаточно богатства, чтобы удовлетворить свои потребности; нужна сила, чтобы бороться с трудностями и побеждать их; нужно смирение, чтобы признавать свои грехи и раскаиваться в них; нужно терпение, чтобы тяжело трудиться до тех пор, пока не совершишь нечто достойное; нужно милосердие, чтобы видеть добро в своих ближних; нужна любовь, чтобы заставить себя приносить другим людям пользу и помощь; нужна вера, чтобы Бог стал для тебя реальностью; нужна надежда, чтобы уничтожить страх перед будущим». Попробуем последовать этим советам Гёте, этой своеобразной **ценностной шкале**, и, быть может, нам и удастся дожить до его возраста!

Охваченный чувством радости бытия и сопричастности тому чуду, что носит название «жизнь», Гёте создает воистину языческий гимн этой величайшей ценности – тот шедевр, который известен как «Майская песня»:

*Как все ликует,
Поет, звенит!
В цвету долина, в огне зенит!
Трепещет каждый
На ветке лист,
Не молкнет в рощах*

*Веселый свист.
Как эту радость
В груди вместить!
Смотреть! И слушать!
Дышать! И жить!* (6, с. 76).

Гёте не раз подчеркивал, что **человеческий гений** – высшее достижение природы и одна из высших ценностей. Уже в молодости, оценивая наследие готической архитектуры, Гёте не столько занимается искусствоведческими штудиями, сколько осознает свою собственную творческую потенцию, ее уникальность и беспредельность. Гёте приравнивает свою судьбу к судьбе природы, осознает свою неразрывность с ней. Он явственно чувствует плотские соки собственной потенции, в его строках – интуиция органического роста, предчувствие необычайной продуктивности собственного духа.

Гёте в одной из своих статей следующим образом обосновывает собственную эстетическую программу: «Принципы для гения опаснее дурных примеров. Пусть до него отдельные художники работали над отдельными частями. Он первый, в душе которого эти части слились в единое, вечное целое, вырвались наружу. Школа, принципы сковывают способность познания и творчество» (7, с. 9). Неизвестно, знал ли Гёте слова И. Канта о том, что гений не подчиняется правилам, но создает их. Гений творит и осуществляет все как нечто естественное, вытекающее из его собственной индивидуальной сущности, но то, что он сотворил, становится законом для простых смертных. Недаром Лессинг писал: «Гений! гений! – кричат они. – Гений выше всяких правил! То, что делает гений, то и правильно» (8, с. 346).

Гёте говорил: «Мне очень повезло, что я родился в то время, когда пришла пора величайших мировых событий, продолжавшихся в течение всей моей долгой жизни, так что я был свидетелем Семилетней войны, далее отпадения Америки от Англии, затем Французской революции и, наконец, всей наполеоновской эпопеи вплоть до крушения и гибели ее героя, а также многих последующих событий. Потому я пришел к совсем другим выводам и убеждениям, чем могут прийти родившиеся позднее, которым приходится усваивать эти великие события по книгам, им не понятным» (12, с. 105-106).

Сама уникальность бурной исторической эпохи, современником которой был Гёте, не могла не подтолкнуть мыслителя к рассмотрению проблемы **политических и общественных идеалов и ценностей**. В своих «Венецианских эпиграммах» Гёте восклицает, как будто обращаясь к нашим современным «демократам» и «правозащитникам», иудам, давно уже продавшим в угоду чужеземным господам свою честь, совесть и Родину:

*Ох, до чего не люблю я поборников ярых свободы:
Хочет всякий из них власти – но лишь для себя* (6, с. 206).

Некоторым нашим политологам, рассуждающим о том, какую бы еще реформаторскую вивисекцию предпринять над изувеченной страной, стоило бы задуматься над следующими мудрыми словами семидесятипятилетнего мыслителя: «Для каждой нации хорошо только то, что ей органически свойственно, что проистекло из всеобщих ее потребностей, а не скопировано с какой-то другой нации. Ибо пища, полезная одному народу на определенной ступени его развития, для другого может стать ядом. Поэтому все попытки вводить какие-то чужеземные новшества, поскольку потребность в них не коренится в самом ядре нации, нелепы, и все революции такого рода заведомо обречены на неуспех...» (12, с. 461).

За несколько дней до смерти Гёте, более полувека бывший первым министром Веймарского герцогства, сказал: «Я ненавижу плохую работу как смертный грех, но всего более – плохую работу в государственных делах, так как от нее страдают тысячи и миллионы людей» (12, с. 435). Да, если бы наши чиновники – непрофессионалы и взяточники – хоть в чем-то были похожи на Гёте-чиновника!.. Думается, что Гёте мог бы быть хорошим русским президентом – и как жаль, что все это лишь мечты.

Гёте придерживался и выражал в своем творчестве идущую от просветителей идею ценностной иерархии как многоуровневой системы объективных и неизменных ценностей, завершающуюся в триаде Истины, Добра и Красоты. Залогом спасения современного человечества от угрозы ядерной и экологической катастрофы, предпосылкой для создания атмосферы продуктивного сотрудничества всех народов может выступать лишь принятие в качестве непреложного условия человеческого бытия универсальных ценностей жизни, поддержания мира, достоинства личности, ее прав и свобод, справедливости, законности и культуры. Именно этим ценностям всю свою жизнь служил и великий немец Иоганн Вольфганг Гёте.

Список литературы

1. *Гайденко, П.П.* *Философия Фихте и современность.* – М., 1979. – 487 с.
2. *Гегель, Г.В.Ф.* *Лекции по истории философии. Т. 3.* – СПб.: Наука, 2001. – 587 с.
3. *Герцен, А.И.* *Избранные философские произведения. В 2 томах. Т. 1.* – М., 1946.
4. *Герцен, А.И.* *Собрание сочинений в 30 томах. Т. 6.* – М., 1955. – 323 с.
5. *Гессе, Г.* *Избранное.* – СПб.: ИД Кристалл, 2001. – 613 с.
6. *Гёте, И.В.* *Собрание сочинений в 10 томах Т. 1.* – М., 1975. – 479 с.
7. *Гёте, И.В.* *Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10.* – М., 1980. – 510 с.
8. *Лессинг, Г.Э.* *Гамбургская драматургия.* – М., 1936. – 419 с.
9. *Людвиг, Э. Гёте.* – М., 1965. – 546 с.
10. *Манн, Т.* *Фантазия о Гёте. // Гёте И. В. Избранное.* – М., 1998. – 531 с.
11. *Эккерман, И.П.* *Разговоры с Гете в последние годы его жизни.* – М., 1986.
12. *Эккерман, И.П.* *Указ. соч.*
13. *Goethe, Briefe. Bd. VIII.*

14. **Goethe**, *Werke*. WA. IV. Bd. 23.
15. **Goethe**, *Werke*. WA. IV. Bd. 33.